

1976

14 марта

Завтра лечу в Пятигорск.¹ Сегодня предстоит к этому готовиться.

19 марта

Звонил Софронову насчёт своей книжки в библиотеке «Огонька», его не застал, но говорил с его женой, оказавшейся моей поклонницей. Завтра придёт её сын с тем, чтобы я надписал ему какие-то мои книжки.

Звонил Мнацаканяну, узнал точно, что мой «раздел» открывается письмом от Д.Самойлович, дальше идут стихи из знаменитого альбома, из них одно пришлось снять. Всё это уже у Фогельсона, который позвонит мне, когда появится в редакции.

Фогельсон так и не звонил. Зато звонил Йонас, предлагает передачу вроде той, что была у Вознесенского недавно в Останкине, для аудитории человек на семьсот. Мне это в ближайшее время никак не выдержать, разве что в апреле и ещё при условии если с кем-то сыграть сцену из Робеспьера, м. б. с Лилей Толмачёвой². Но для этого нужны репетиции и не одна.

21 марта

Ещё один воскресный день начался – на этот раз позже обычного: я спал до десяти часов. Звонил Полечке. <...> завтра мы днём встретимся. Ей надо в ЦГАЛИ, мне тоже: в связи с наследством Али Эфрон.

Письмо от какой-то дамы из Харькова, спрашивает о театральных людях начала века, о коих я и не слышал.

Приходил работник Ленинградского телевидения Максим Давыдович (фамилию я забыл) говорить о моей телевизионной передаче для Ленинграда. Обо всём более или менее мы договорились. Мне надо сочинить четыре строки приветствия городу.

Со всё возрастающим интересом и увлечением читаю книжку Недумова о «Лермонтовском Пятигорске»³. Сколько портретов, сколько фигур декабристов, военных начальников, тупиц и умных, шпионов и служак! И всё документировано, перепроверено. <...> Недумов, безусловно, серьёзный исследователь, следопыт, изо всех сил добивающийся справедливой оценки каждого из выведенных им персонажей. Он пользовался и материалами ЦГАЛИ, и Тбилисскими архивами, и ещё многим. Он умер в 1963 году, и книга (по разным причинам) вышла через 11 лет после его смерти. Её редактировал Павел Евдокимович Селегей, с которым я в Пятигорске познакомился. Мы в последний вечер вместе пили водку (умеренно).

22 марта

С Полечкой в ЦДЛ. В ресторане лёгкий завтрак с коньячком. Потом в бюро пропаганды, где не было бухгалтера, чтобы оплатить командировку в Пятигорск. Потом в Иностранную комиссию, где уточнил срок поездки в Польшу. На этом дела пока закончены. Полечка очень мила и очень многое понимает по-своему, но верно. <...>

Только что звонили Йонас и Дина. Я переписал начисто для Дины всю статью о Бараташвили. Скончался бедный Сергей Смирнов, чудесный человек. 25-го панихида в ЦДЛ в 12 часов. Зашёл ко мне Юдахин, взял книгу Богомолова «Август 44 года» и его же рассказы. Были Йонас и Дина, взяли статью о Бараташвили, одобрили. Далее поехал к Белле на такси. Она приглашена что-то написать обо мне для журнала «Театральная жизнь». И вот мы наметили кое-какие идеи.

24 марта

День начался с того, что я обнаружил неработающий телефон. Миша признался, что вчера ночью его разбили. Звонил от соседей – придут чинить. Жить в этом доме мне решительно невмоготу. Катя и глупа и враждебна ко мне до крайности. Но куда же деваться? В Переделкине сейчас нет возможности.

Кипса совсем больна. Сейчас она встала ради того, чтобы как-то накормить меня. Письмо от Сашуры с очень точной автохарактеристикой и самооценкой: её заедает честность и совесть. Телефон зловеще безмолствует. Ещё одно письмо от Вс. Рождественского. Он нашёл у себя какой-то отрывок белого пятистопника Шенгели. Я хочу это предложить в «День поэзии».

Нашёл все письма Вахтангова, несколько писем Пастернака, старые письма Тихонова и Первомайского, – всё это для ЦГАЛИ⁴. <...> Телефон мёртв, мастер не пришёл, сейчас шестой час вечера, его рабочий день окончен.

Ещё и ещё раз записываю свой «эпиграф»:

Мы знаем крепко, что однажды
Земных отторгнемся цепей.
Так пей же кубок, хоть без жажды,
Но всё же кубок жизни пей.

Велемир Хлебников

Ещё один очередной безобразнейший скандал. Ни с того ни с сего Катя на кухне толкнула меня в грудь, я грохнулся на пол, ушиб спину. Нет, жить на улице Щукина мне невозможно. Я весь дрожу. Сердце колотится. Кипсу мне жалко. Какая у неё дочь! В чём дело? Что всё это значит? Как она будет воспитывать ребёнка? Дожить бы до восьмидесятилетия и сгинуть со свету. Это я говорю серьёзно и точно. За что выпала мне такая старость? Чем и перед кем я провинился?

25 марта

Телефон всё ещё смертельно болен: это результат каких-то милых шалостей молодой пары третьего дня. Сегодня я звонил в бюро ремонта уже четвёртый раз, снова обещают, что мастер явится до 5 часов.

Поехать к Белле не удастся – она уезжает вечером в Ленинград.

Завтра после телевиденья придётся отбыть с Кипсой и Денисом на Пахру, как в ссылке – другого выхода нет. Но где мне жить дальше? Опять в Переделкино⁵?

28 марта

Утром звонил из Переделкино Кипсе, она по-прежнему больна, говорит: «Мне плохо».

Читаю книгу Капиевой⁶ с интересом, иногда жгучим. Не удержался и, прочитав две трети книги, написал ей восхищённое письмо со всякого рода выводами и умозаключениями. Кажется, что поступил правильно, ибо книга действительно редкая и замечательная.

К обеду опоздал и сидел один за столом, и вообще в столовой почти никого уже не было. А на дворе попрежнему ярчайшее солнце.

Главная мысль и главная тревога моя всё та же: что будет дальше? Пребывание на улице Щукина явно невозможно.

30 марта

Говорил по телефону с Кипсой. Ей как будто лучше. Оба наши водителя, и Володя, и Валерий, в цейтноте. Оба с трудом урывают время для нас. Вчера Володя еле-еле успел привезти какие-то продукты. Словом, и тут неблагополучие.

1 апреля

Говорил утром с Кипсой и Юдахиним, который уже собрался идти на улицу Щукина за письмами ко мне. <...>

2 апреля

<...> Читаю книгу Каверина «Освещённые окна».

Мне совершенно необходимо взяться наконец за статью-предисловие к книге Саввы Головановского. Но увы, я совсем отвык работать. Вот начал было писать статью, но тут же отвлекся – пришёл Арсений (А.. Тарковский. – Сост.) и позвал обедать.

Ответил на два письма, которые привёз вчера Юдахин: первое – Сашуре и оно уже вчера ушло, второе – Н. Банк. Сейчас 4 часа утра. Спать не могу, буду читать Каверина.

Закончил «Освещённые окна» Каверина. Это очень многоплановое повествование. В основном о развитии и формировании характера, о переходе из

отрочества в юность. При этом Вене во многом очень повезло: в том, какая необычная судьба всей семьи, в том, что старший брат такая с самого начала выдающаяся фигура, в том, что рядом молодой Тынянов, ещё множество хотя бы и мимолётных встреч с яркими сверстниками – Вильямсом, Цехновицером⁷ и т. д. Не знаю, насколько глубок и достоверен самоанализ, это всегда остаётся на совести автора. Впрочем, Веня не претендует на какую-нибудь исповедальность, т. е. сверхискренность в духе Л. Толстого. Он с самого начала слишком художник и не углубляется в «тёмные бездны» подсознания. Зато выиграла артистическая лёгкость в обрисовке стольких людей, в их числе и девушек, с которыми по молодости лет он был непритязательно близок, легко сменял объекты своих привязанностей. Но, может статься, он слишком поздно, уже отделённый полувеком от рассказанного в книге, вздумал её писать. Отсюда и беглость во многих частях книги. Читаешь и приходит в голову: а не пропущено ли главное? Это могло получиться в рассказе о последних годах жизни... <...>

3 апреля

По поводу книги Саши Межирова мне пришло в голову такое определение: ложь изречённая есть мысль (по Тютчеву).⁸ Ибо книга его чем-то очень странна и неправдива, это прикрито голой мастеровитостью, а не мастерством.

Перед сном ещё раз прочёл книжку Межирова, особенно поэму «Alter ego». И втиснуты сюда зачем-то старые его (и очень хорошие) стихи, например «Переформировка» и другие. Сделано это неуклюже и нецелесообразно. Сам он оправдывает тем, что всё в одном ритме. Верно, пятистопный хорей. Но разве стиховой размер может объединить разнородный материал? Дальнейшие стихи – не знаю, как и когда они были написаны – но в целом производят впечатление беспомощной попытки вырваться из самого себя: какой-то мастер, вроде папы Карло, делающий марионеток, какой-то знаменитый жокей. Что-то невразумительное о Франции, Югославии, с массой терминов современного жаргона битников. Но возражения и недоумения мои <...> до него не доходят абсолютно. Он тут же срывается с места и куда-то зачем-то спешит.

Но довольно мне хаять хорошего поэта. Всё-таки он настоящий друг и настоящий поэт. Так что если он и удрал от нападков, то это была естественная реакция самозащиты. Наверно, и со мной могло бы случиться такое же точно в соответствующей ситуации. <...>

Как мучительно медленно сползает этот день к вечеру и как ещё медленнее будет сползать этот вечер в ночь. Сейчас четверть девятого. Ещё добрых три часа томиться. А чем их занять? Если бы возникло желание писать стихи, – я был бы спасён, – но откуда ему взяться, такому благословию? Я и забыл, как пишутся стихи. Хотя бы передо мной лежал какой-то старый, грязный, полустёртый черновик, – о, это было бы счастье! <...>

4 апреля

Память у меня дырявая насквозь! Веня, когда был здесь (кажется, на второй день после моего приезда) оставил мне не только книгу «Освещённые окна», но и

папку с двумя своими статьями – о Булгакове и Твардовском. А я все эти дни пялился на папку, считал её пустой и совершенно забыл, зачем же она у меня очутилась. Сейчас Савва и Катя отвезли папку хозяину. И вот полпятого. День мой как бы исчерпан. Получил письма: от Льва Левина, радующегося моему приезду, от Сашуры и другие полуделовые и мало интересные. Сашура в полном ужасе от того, как складываются дела в редакции, и её можно понять. Вот где настоящий гадюшник..!

А я продолжаю горевать, всё яснее чувствуя горемычность и неприкаянность своего ближайшего будущего! <...>

5 апреля

<...> Кипса тяжело больна, но почему-то отказывается от всякой медицины. Температурит. Конечно, это дико со стороны Кипсы так вот лежать в постели. <...> Завтра придёт Андрей и вызовет из нашей поликлиники врача Анатолия Исаевича.

Всё, что в доме, – ужасно, как всегда. Тут и слов не хватает.

6 апреля

Звонил Юра Завадский. Недоумекает по поводу Мариной «Повести о Сонечке»⁹. Там действительно много напутано, начиная с моего возраста.

7 апреля

Шофёр вызван на полдвенадцатого: он повезёт Андрея за врачом для Кипсы... <...>

Мне повезло, отец Миши, Юрий Всеволодович, согрел мне гречневую кашу, хоть что-нибудь вместо обеда. С меня этого вполне достаточно. Ем я только «по долгу службы». *L'appétit vient en mangeant.* (Аппетит приходит во время еды, пер. с фр. – Сост.) И то не слишком *vient* (приходит, пер. с фр. – Сост.) Но какой же длинный и пустой день! Хотя завтра обед обеспечен с Полечкой в том же ЦДЛе. <...>

Сейчас полвосьмого. Буду читать Веню Каверина. Дал сегодня 50 рублей Андрею заплатить за книги на базе на Беговой. В бумажнике ровно 450 рублей – то, что требуется разменять на польские злотые.¹⁰ <...>

9 апреля

Утром, как было условлено, а я об этом, конечно, забыл, пришёл Виктор Широков. <...> Он сделал дело, непосильное для меня – выправил оба экземпляра статьи о Савве, причём второй экземпляр я тут же заклеил в конверт, и он, Виктор, взялся его отослать.

Далее поехал в «Сов. пис» и получил причитающиеся мне 600 рублей. Остальное (около 2 тысяч) переведут Кипсе на книжку.

<...> Разговор с Мнацакянном и Фогельсоном. Они сочли вполне «оптимистичным» моё стихотворение «Пора смириться, сэр!»

Завтра день рождения Беллы – ей 39 лет. В этой связи в 7 часов в ЦДЛ встреча с Полечкой, взявшей на себя цветы. Моё дело – всё остальное.

Может случиться, завтра в Лавке на Кузнецком уже будут мои книжки. Но и это ещё не всё. Верченко и Луконин поздравили меня с орденом Ленина, указ о чём на днях будет опубликован. Я тут же чуть пустил слезу от неожиданности, но решил пока помалкивать об этом. Правда, Полечке сказал. По чести, это давно заслужено. Но ведь все ордена в наше время так или иначе девальвируются. Лучше бы докторскую степень в Сорбонне.

10 апреля

Вчера вечером звонил из Ленинграда тот самый Максим Давыдович Волобринский¹¹, как-то бывший у меня насчёт телепередачи для Ленинграда: я должен написать четыре строки, что-то вроде приветствия городу, которые воспроизведут на экране и этим начнут передачу. До отъезда надо послать это к нему. Он уже со многими говорил об участии.

Ещё письмо от студентки из Одессы, пишущей диплом обо мне, но уж с такой неожиданной темой, что я рот разинул – пишет о цветовых прилагательных в моей поэзии, относит это к лингвистике. Я ответил, что это скорее психология, воображение и прочее, но не лингвистика. Письмо сегодня уйдёт.

Книга моя пришла в Лавку писателей. Во вторник возьму 50 экземпляров. Звонил Левину, который во всю пишет для «Нового мира». Звонил я Белле, поздравил её с днём рождения. Часов в 8 вечера пойдём к ней с Полечкой.

Большой конверт от С.Сафаровой из Пятигорска: её письмо, кипа фотографий, номер газеты «Кавказская здравница» от 26 марта со статьёй обо мне. Сафаровой уже ответил с искренней благодарностью. <...>

Ко всему прочему, опять беда с телефоном: снимаешь трубку – отрывистые гудки. Позвонил в бюро ремонта – обещают прислать монтера сегодня, но, очевидно, он явится только в понедельник.

11 апреля

Пришёл Юдахин, принёс книги Богомолова – таким образом я установил, где и у кого они были. Мы с ним довольно беспорядочно болтали бог знает о чём, но мило.

Днём в 3 часа мы с Денисом оба едем к Андрею, я – в первый раз, так что познакомлюсь с ещё одним своим правнуком, Антоном. <...> Мы с Денисом в Филю и обратно на такси. Итак, видел эту крохотную квартиру, гораздо менее просторную, чем у Милы, но хозяйство, благодаря Ане, образцовое. А мой второй правнук (второй, ибо старше Катиного Вани) по-моему больше всех русопятистый, курносый, весёлый, с получленораздельными звуками, слюнями, соской – всем, что полагается по возрасту, стоит в своей кроватке, раскачивает её.

У меня наклевалось стихотворение, ещё не ясное, но какой-то в нём брезжит новый поворот. Вот было бы здорово! <...>

Прочёл статью Ани в журнале «Детская литература»¹². В целом довольно точно и разумно. Но не понимает, что такое «авторизованное». Считает, что сказка,

написанная писателем на фольклорной основе – «авторизована». Это чушь. Авторизован может быть перевод, одобренный оригинальным автором подлинника – и только.

Ах да! Звонил некто Алексеев, приславший мне давно огромный пакет своих писаний с острова Диксон. В Москве будет до июня, но я надеюсь прочесть до его отъезда 20-го. <...>

12 апреля

<...> Концерт Берлиоза с участием Беллы был, конечно, интересным сочетанием музыки и её слова. Исполнялись «Ромео и Джульетта» и «Фантастическая Симфония». Вторая, которую мы, увы, недослушали, значительно лучше, особенно упоителен вальс. Стихи Беллы, как всегда у неё, глубокие, но, кажется, слишком сложны для восприятия на слух. Проводил Полечку на метро Смоленская и вернулся домой в пятнадцать минут одиннадцатого.

Завтра надо взять пять билетов на вечер Булата в ЦДЛе. <...>

14 апреля

<...> Вечер Булата 17-го. М.М. Шапиро кое-что обещал мне: три билета уже отложены, надо ещё два: Йонасу и Дине. Несмотря на то, что вечер без афиш и нигде не объявлен, публика рвётся, бог знает как. <...>

Ещё одна «стычка» с Катей по поводу моей сигареты на кухне, вырвала из рук, бросила куда-то. Я не удержался, ударил её руку. А было у меня только одно: попросить Кипсу дать мне чаю.

<...> Очень просил Светлану вернуть мне книгу Кюстина¹³ – отдам её Андрею за большой и очень хороший увраж о Босхе. Андрею же заплачу за это сотню с чем-то. Ему живётся туго, а у Светланы книг моих уйма. Многое я не прочь взять обратно, хоть и совестно. Сидит она без денег. Дал ей 50 рублей. Думаю, что это в последний раз.

16 апреля

Вместе с Володей¹⁴ обедаем в ЦДЛ. <...> В руках у меня ровно пять билетов, значит Йонас и Дина удовлетворены на все 100%. А вот где Полечка – непонятно. Надеюсь, что завтра позвонит из Купавны своей. Я оставил Шапиро свою книгу, назвав его в надписи «ангелом».

Указ о награждении датирован 23-им марта, но ни в газетах, нигде не был опубликован кроме «Известий Верховного Совета». Поздравляли меня в ЦДЛе многие – но это те, что были на партсобрании. <...>

И вот полная неожиданность – звонила Наталишка Огай, тоже просила устроить на Булата, но это, конечно, невозможно. Завтра же улетает обратно в Вильнюс. Жалуетса на мужа <...> говорит, что поседела.

От правления СП СССР поздравительная телеграмма.

Был у меня Володя Кузнецов¹⁵, вспоминали Горький, Автозавод. Подарил ему свою книгу.

17 апреля

Всё ближе и ближе отъезд, а я, утром проснувшись и встав на ноги, даже засомневался – ехать ли?! Ибо очень почувствовал, до чего дряхл и слаб. Но это уже прошло.

Два письма: от Саввы и от Н. Банникова. Первый справедливо упрекает за краткость и явную незаконченность статьи. Но увы, сейчас у меня нет никакой возможности закончить её. Банников поздравляет с орденом. Жалуется что беззуб, потому дескать не является на люди, на конверте написал свой телефон, но по нему никто не отвечает. Он хочет писать обо мне, но Софронов ответил, что у них запланирована моя собственная. Не знаю пока, что ему рекомендовать. Может быть, просто в «Литературную газету»? А может быть, в «Литературную Россию», поскольку на Беллу я не слишком надеюсь.

Концерт Булата был бы хорош, если бы меньше пели другие, и особенно если бы не было отрывков из фильмов с его песнями. Но последний кусок – из «Белорусского вокзала» – должен был прозвучать. Он сам читал и пел не лучшие свои вещи. Белла очень хорошо закончила вечер. Она сказала умное и веское слово о том, за что надо благодарить Окуджаву. Потом, даря ему перо, прочла и стихок милый. Видел Юру Васильева, который хочет писать мой портрет. <...>

18 апреля

<...> Банников будет писать для «Лит. России», в основном о моём «литературоведении».

21 апреля

Ушёл от меня Банников и меня забил озноб. Ставлю термометр – 37.4, ещё через час – 38.4. Так пролетела тщательно подготовленная Польша. <...> Вот уже третий день валяюсь в постели. И сколько же пришлось делать отбоев по телефону!

Поездка в Польшу отложена на август-сентябрь. Всё дело в том, что я слишком много взвалил на себя в последнее время. Пора смириться, сэр! Сейчас был врач Анатолий Исаевич, и на этот раз не отвертеться мне от больницы – той самой, что в 1974 году, правда, недели на две всего. А потом – Переделкино, тоже осточертевшее мне. А потом куда?

23 апреля

Время не шло все эти дни, а стояло столбом. Был у меня вчера утром Лесневский, вечером пришли Йонас и Дина, ушли около 11 часов вечера. Наверно, хлопоты о больнице затянутся, так что май, лучшее время года, проведу я в застенке. <...>

Читаю занятный сборник изданный у нас Американским посольством: статьи о современной американской литературе. И пока самое интересное – статья о Гекльберри Финне, о Марке Твене.

Андрей едет в Ригу. Я дам ему свою книгу для Ждановой и Андреева.

Стал я перечитывать драматическую трилогию А. К. Толстого. Начал с первой части «Смерть Грозного». Хотел сравнить с пушкинским «Годуновым». Это было естественное желанием. И сразу увидел, как велика пропасть между Пушкиным и А. Толстым. У Толстого пьеса названа «трагедией», на самом же деле она в лучшем случае драма: узко-династическая борьба боярства с выскочкой Годуновым. Народ используется боярами и Годуновым в крошечных личных целях, и народ Толстого именно такой, что легко поддается всякому навету. Пушкинским народом и не пахнет. Народное грозное безмолвие не повисает в конце, как возмездие, как возможность такого возмездия в будущем. <...>

24 апреля

Андрей, Денис и Наташа едут на Пахру, где останутся вдвоём, без Андрея.

Прочёл всю книгу изданную Американским посольством. Много для меня ново и в то же время убедительно. Можно завидовать полной непредвзятости и независимости авторов. Статья учёного об аспектах влияния природы на людей и обратного влияния – самая плоская из всех статей. Очень интересные признания Дос Пассоса¹⁶, а рассказ о встрече с Фолкнером некоего студента (от его лица и идет рассказ) просто очарователен. <...>

Андрей достал номер «Дружбы народов», где повесть Ю. Трифонова¹⁷, о которой все кричат, все добиваются прочесть её. Я только-только начал. <...>

25 апреля

Закончил повесть Ю. Трифонова. Она безусловно талантлива, интересна, многозначна, в чём-то даже загадочна. Может быть, оттого, что не всё договорено. Захвачен огромный отрезок времени от 20-х до 70-х годов. Наверно, через какое-то время захочется ещё раз перечесть. У нас редко кто так пишет. Может быть, Юрий Трифонов чему-то и научился у англичан или американцев, но скорее всего он дошёл своим умом. <...>

Около 5-ти часов пришли Йонас и Дина, как всегда с едой и даже бутылкой пива. Очень много болтали, я дал Дине – со строгим наказом быстро вернуть – книгу Марины¹⁸. Сейчас это у меня величайшая ценность. Только что они ушли, ровно в 9 часов вечера.

Андрей нашёл на Пахре две книги Дос Пассоса и я примусь за них как за совершенно забытое. Они помечены 36-м годом, в том году и вышли. К сожалению, только две, я думал, что должно быть три. Как будто с 30-х годов я их не перечитывал.

Насколько мила и всё понимает Дина, настолько же Йонас погибает куда-то в сторону и не очень понятно, куда он гнёт. <...> Зачем-то он хочет, чтобы я записал на телевидении свою автобиографию в американском варианте. Я думаю, что это делать незачем. Ради остроумных формулировок не стоит, а больше ничего там и нет. Итак, завтра начинаю деловую жизнь.

27 апреля

С утра звонила Светлана Николаева. Должна зайти, показать то, что написала для «Знамени». Это чуть больше десяти страниц. Не совсем удобно читать о себе. Но поскольку она дебютантка в этом жанре, приходится. <...> Статья Светы Николаевой очень понравилась мне: ясная, короткая, в основе – «Путевой журнал».

<...> Звонила Светлана Бучнева. Постараюсь завтра так или иначе к ней вырваться.

Всё остальное сегодня на точке замерзания, даже буквально я мёрзну. Хотя и не очень холодно. Сейчас уже, слава Богу, 20 минут девятого. С интересом читаю Дос Пассоса в гениальном переводе В. Стенича¹⁹, когда-то загубленного Сталиным. До какой-то степени Дос Пассос устарел, но тогда, в начале века, он был настоящим новатором. Слава Богу, что Андрей нашёл эти две книги и привез их с Пахры.

28 апреля

<...> ... сейчас перерыв на обед в бухгалтерии «Известий». Значит, только через час я поеду туда, а дальше, конечно, в ЦДЛ – и поесть и, главное, в надежде на встречу с Полечкой. Она могла звонить, но телефон как всегда был заблокирован Кипсой. Потом и я долго говорил с Межировым о его последней книге. Он допытывался, почему мне так не нравится его «Alter ego». Я объяснял и как будто он понял.

Только что получил телеграмму от секретаря ЦК ВЛКСМ Тяжелникова – поздравительную с орденом. Телеграмма правительственная, то есть вне очереди.

29 апреля

Был Женя Рейн²⁰, читал свои стихи, среди них есть и очень талантливые. А следом за ним прибыл Яша Хелемский, который растрогал меня до слёз тем, как написал для «Октября». К сожалению, ему придётся это сильно сокращать – особенно вначале, где подробно описывается Москва с кольцом и бульварами. <...>

Я в долгу перед Светланой Бучневой – ещё не видел её младенца. Вечером позвоню, а завтра с Володей на Кузнецком куплю книг и заеду к ней. <...>

2 мая

<...> Письмо от Вариса Лейкарта из Риги, переведшего мои стихи для какой-то антологии. Видел меня один раз в Риге вместе с Беллой. Будет в Москве и хочет встретиться. Я ответил, что пожалуйста, но предупредил о двух неделях в больнице.

Кажется, Светлана окончательно ушла из моей жизни или я ушёл из её жизни. Как ни как, я был у неё тридцатого апреля. Могла бы хоть позвонить! Меня что-то удерживает от звонка ей – это не самолюбие и не обида, а страх опять

ввязаться в какие-то объяснения. Но не удержался и позвонил – её не было, но через четверть часа она отзвонила: болеет сама, болеет мать, младенец выздоровел. Обещали друг другу звонить.

3 мая

Начал утро звонком к Левину. Он оставил вчера у меня то, что написал для «Нового мира». Это весьма плохо. Так что я сразу ему заявил: «Должен тебя огорчить». Но оказалось, что почти всё, о чём я говорил, уже отвергнуто редакцией.

На мои возражения он в общем соглашался. В конечном счёте в «Новом мире» будет не ахти какая статья – и пускай. <...> Ведь и сам журнал не тот, что был десять лет назад. Левин по-глупому допытывался насчёт «Повести о Сонечке» и всего, что там относится ко мне. Но как-будто не затем, чтобы «обнародовать» мои «показания». Левин хороший и добрый человек, но бог не дал ему дарования литературоведа. Он то, что называется «беллетрист». <...>

В той больнице, где я лежал в 1974 году, отказано: нет мест. Может быть удастся попасть в Боткинскую, но продлится это бог знает сколько времени. Придётся думать о Переделкине. Как будто, Луконин возглавляет московский СП – всё-таки друг, поможет.

Пока отношения с Катей ужасны, сказала что я дерьмо, что меня все таким считают. Вот как она выражается, но хоть рукам воли не даёт, и то хорошо. Надолго ли?

4 мая

Звонил Йонас. И тут чёрт меня дёрнул рассказать ему о конфликте с Катей. Собственно, надо было его просто выругать за совет Мише, почерпнутый из какой-то йоги – как напрягаться, чтобы поднять давление²¹. Вместо этого, главного, я стал жаловаться.²² Услыхала всё это Кипса и задала перцу Йонасу и Дине, которая что-то добавила о «вмешательстве общественности». Тут Кипса просто разъярилась и наговорила лишнего этим хорошим друзьям моим. Но я виноват тем, что выношу сор из избы <...> давно и упорно. Это совсем не нужно. Делать я должен совсем другое! Добиваться рабочей комнаты – и всё! А дальше, то есть сейчас поскорее уехать в Переделкино. От всех и от всего. <...>

6 мая

Говорил с Антошкиным из журнала «Огонёк», узнал, что корректура моей книжки будет в начале июня. <...>

Вполне возможна и такая книга – условное название «Мой театр». В неё войдут «Пожар в театре», «Робеспьер и Горгона», «Франсуа Вийон» и, может быть, по-новому восстановленное «Обручение во сне». Предложить издательству «Искусство». Чем чёрт не шутит! Ах да! Добиться, чтобы Матусовский потребовал возвращения ему украденной у него кем-то «Куклы инфанты», первой моей пьесы.

Вот и Полечка звонила с Курского вокзала. Будет в ЦДЛ в 4 часа. Значит, всё благополучно.

Ровно к 6-ти часам мы прикатили в Старо-Панский переулочек, в Институт истории естествознания. Аудитория небольшая, средней восприимчивости, но слушала, принимала и аплодировала хорошо. Поля была хорошо принята и очень звонко и раздельно читала. А Тёмин готов на всё – говорил обо мне слишком много и неумеренно. Стихи Тарасова не слишком дошли, но были вполне уместны.

Сейчас полдевятого, я дома, устать не устал, но как-то выпотрошен.

8 мая

Вчера ни с того ни с сего внезапно меня захихорадило, температура подскочила до 38.1, и я провалялся всю вторую половину дня. Температура постепенно падала до 37. Не простудился ли я по дороге на Басманную? Сейчас уже полонинадцатого утра. Снова поднялась температура.

А вечером в 6 часов пришли Йонас и Дина. Жарили мясо, пили чай с тортом и обо многом интересном говорили и вспоминали и рассказывали. Мясо и торт – это их иждивение, их нелёгкие поиски. Пришли точно, как обещали, в 6 часов, ушли в 11.

Все эти скачки температуры непонятного происхождения, но стали регулярными. Неприятен только предшествующий им озноб лихорадочный. <...>

10 мая

С приездом «молодой пары» жизнь в этом доме стала совершенно невыносима для меня. Слава Богу, она на всё лето переселится на Пахру. Но в ожидании больницы мне волей-неволей надо двинуться в Переделкино. Будет трудно с почтой, но тот или другой водитель смогут её забирать. Мне важны письма Сашуры. Пока что с температурой у меня всё прошло само собой. Сегодня обещала звонить Полечка и этого я жду, но всё равно отправляюсь в ЦДЛ – и обедать и справиться о своих делах в секретариате Ильина.

Звонил В. Россельс: 31 мая какая-то предсъездовская конференция поэтов и переводчиков. В календаре я это уже взял на заметку. Но всё у меня зависит от чёртовой больницы, которая висит где-то в воздухе и в любой день может свалиться на голову. <...>

На складе «Сов.Писа» (Красноармейская, 27) я был облагодетельствован сверх меры. Кроме 2-ух экземпляров «Ночного смотра», получил 3 экземпляра «Повести временных лет», экземпляр «Сказок времени» и, наконец, 3 экземпляра «Четвёртого измерения», т. е. издания 1964 года!.. Это огромное богатство. Бог догадал меня прибавить к «Ночному смотру» эти три книжки, которых нигде и не найдёшь, а у меня даже сигналы ушли из под рук.

В ЦДЛ обедал без Полины, которая так и не пришла – то ли больна, то ли что другое. Звонить ей некуда.

11 мая

Написал Наталии Банк ответ на её вчерашнее письмо о том, что она пишет для «Звезды» о моём «Путевом журнале». Дали всего три страницы.

Приходил некто Александр С. с кучей книг и моих и Беллиных, приставал, чтобы в каждой я что-нибудь написал. По мере сил и преодолевая раздражение, написал всюду, где он просил. Субъект глупый и пошловатый, помешан на автографах, явление очень распространённое, а он сверх прочего и сам портит чужие книги всякими надписями. <...>

Вечером письма от Рецептера, Лондона, и посылка с моими старыми книгами от П. из Новосибирска, любителя всяких автографов, человека как будто милого, но уж очень глупого. <...>

12 мая

В «Сов.Пис» видел Фогельсона и Медведева, с обоими по мере возможности договорился и о составе книги и об её оформлении. 15 мая – какой-то вечер в Доме учёных. Это ради Полочки. Пойду, чего-нибудь и сам прочту.

Звонил Антошкин: через час приедет. Он – суматошный парень: вечно спешит, всюду опаздывает. Три главы из поэмы о Зое заняли три лишние страницы в огоньковской книжке. Оставят только одну из них – последнюю главу («Поэзия! Я лгать тебе не вправе»...). Вёрстка полна грубых опечаток. Название «Второй ночной смотр» я отверг, и требую «Колыбель русской поэзии» – то, чем и начинается сама книжка.

Говорил с В.Д.Николаевым, мужем Светланы. Он согласен с тем, что Антошкин суматошный тип; согласен с названием «Колыбель Русской Поэзии». Звонил И. Гринбергу²³, которому исполнилось 70 лет (узнал из «Литературной газеты»). Он почему-то страшно обрадовался моему звонку.

Звонили Йонас и Дина, жаловался им на свою трепанную жизнь.

13 мая

<...> Звонил Николаеву, чтобы утвердить название для огоньковской книжки – «Колыбель Русской Поэзии».

Звонок из «Комсомольской Правды»: хотят статью о Н.Тарасове. Обещал через неделю представить три-четыре страницы на машинке с широкими полями.

Был у Светланы; и была она предупредительна и мила, как никогда раньше, и как жалко, что так поздно это пришло к ней. Мечтает уже о ЦДЛ... <...> Она уже не кормит сама, понемногу тощает и принимает свой обычный, «девический» облик, заколдовавший меня год тому назад. Но это время прошло.

Взял и написал начерно статью о Тарасове для «Комсомольской Правды».

14 мая

У меня два тома Лорки. Прочёл «Кровавую свадьбу». Это настоящая трагедия, очень испанская и очень народная. Финал предопределён с самого

начала. Фигуры примитивны и тоже ясны с первых же реплик. Введена Смерть в образе Нищенки. По-своему смело и необычно. Очень сгущено.

15 мая

Жду звонка Полечки, который урегулирует вопрос о вечере в Доме Учёных, где и она и многие ещё молодые должны выступать, а мне предстоит в конце сформулировать как-то своё отношение к молодым. Мнацаканян тоже обещал быть в Доме Учёных. Я приготовил, что читать там. Но всё-таки главное – говорить о молодых.

С 5-ти до 6-ти пришлось ждать начала, к тому же молодые поэты сходились по одиночке и медленно. Их было десять, а то и одиннадцать. Читали помногу, так что мне осталось всего семь минут и я управился в этот срок: ничего не прочёл своего, но о каждом успел сказать по два слова.

16 мая

Пришёл Лёва Левин. Согласился, видимо, со всеми моими возражениями, но, увы, в статье, которая пойдёт в «Новом мире», мало что удастся переделать, ибо Койранская под страхом лишиться каких-то привилегий, не сможет уже ничего менять для июльского номера. Так что всё, предложенное мною, войдёт в книгу, которая выйдет только в 1977 году. Левин давно ушиблен РАППом и это навсегда. Я предложил ему весьма выгодную сделку (для него же) – не цитировать мои письма, а обмозговать их по-своему и писать как его собственные суждения. Он только выиграет в глазах читателей.

17 мая

<...> Сегодня мне предстоят два дела: встретиться с Миколой Бажаном в белом доме на Воровского и поехать к Сусанне и Эрику отмечать день рождения Леонида Первомайского впервые после его кончины. И Бажану и Пархомовским отвезу свою книжку. <...>

18 мая

<...> ... рассказ Леонида, прочитанный Сусанной, удивителен и по силе, и по неожиданности поворотов сюжета, и по жизненной достоверной правде 20-х годов. Называется он не то «Джоконда», не то «Улыбка Джоконды». Это чудо таланта. Написан очень близко к концу жизни Леонида, чуть ли не в 72-м, то есть за год до его смерти, а в сущности бесконечно молод и по теме и по отношению автора и к героине и к другим лицам. Рассказ Леонида не выходит у меня из головы!..

Сложил в хронологическом порядке письма Али Эфрон. Завтра на несколько дней возьмёт их Маша Белкина²⁴. Письма Аси Цветаевой сложить в каком бы то ни было порядке немислимо, только если разберёшь почтовые штемпеля.

С Кипсой смотрели уже вторую часть телефильма «Адъютант его превосходительства» (очень давно, лет пять его не показывали) и оба лишний раз убедились в двух вещах: как хороши решительно все актёры и какие новые возможности для актёров дало телевидение. Как крупно видны выражения лиц, их смена. Это просто открытие равное по силе кино 1920-х годов.

19 мая

В чём-то драмы и трагедии Гарсиа Лорки разочаровывают меня. Прочёл «Кровавую свадьбу» и «Йерму». Читаю уже «Донью Роситу». Все они как бы об одном, на одно лицо, все так или иначе о несчастной женской доле, все в сопровождении стихов, то есть песен. Когда их перевёл Телескул, это украшало. Другие поэты – безлики. Но прочесть всё необходимо. Может случиться, что личная судьба Лорки сильнее, чем его поэзия. Трагедия именно в его судьбе.

Маша Белкина взяла у меня письма Али Эфрон, возвратит уже после моей больницы. Всё это необходимо твёрдо запомнить.

Звонил фотограф Семен Фурман; окончил факультет журналистики МГУ и гибнет от невозможности устроиться где бы то ни было на работу, хочет в какое-то не то Всесоюзное, не то Московское общество любителей книги. Я позвонил Ираклию Андроникову об этом, тот обещал как-нибудь помочь.

Звонил Филиппову насчёт 1-го июля. Он тоже считает своевременной встречу втроем: он, Симонов и я. <...> Костя только что звонил, через час он будет ещё звонить, когда выяснит своё расписание. Зовёт к себе.

Есть такое понятие «команда К.М.». В эту команду входили люди, очень близкие Константину Михайловичу. Это его литературный секретарь Нина Павловна Гордон, литературовед Лазарев Лазарь Ильич, юрист Марк Александрович Келлерман, художник издательства "Советский писатель" (в последствии издательство «Слово». – Сост.) Володя Медведев, заместитель директора Центрального дома литераторов (ЦДЛ) Михаил Минаевич Шапиро, переводчик и специалист по немецкой литературе Евгения Александровна Кацева. Я не говорю о членах семьи – это само собой разумеется. И, конечно, еще верные люди, как он говорил, Евгений Аронович Долматовский, тетя Соня и дядя Саша Карагановы²⁵. Это был очень спаянный дружный коллектив.

Всё очень строго и аккуратно решили вплоть до писем, которые от имени Филиппова будут своевременно посланы всем, кого мы вместе наметили. В сравнении с моим списком, кое-кто выбыл. Но список и без того велик – вечер растянется на два с половиной часа, включая неизбежные приветствия и т. д. Сабантуй уже на следующий день в том же ЦДЛ в обеденное время, причём я выкладываю 500 рублей, а гости приносят выпивку. Гостей – человек 50-60, всё это в дубовом зале. Кого пригласить надо будет веско обдумать. Многие, конечно, ясны и бесспорны.

Завтра утром Йонас и Дина придут, чтобы обговорить запись вечера. Это прежде всего автобиография для Америки и потом мои стихи. Очень жду Сашуриного письма. О больнице не может быть и речи. В крайнем случае двину в Перedelкино. По крайней мере, хоть Арсения увижу, пообщаюсь с ним.

20 мая

Только что говорил с Йонасом и Диной: сейчас нет хорошей камеры для съёмки. Они переносят это дело на воскресенье 23-го. Это и лучше, поскольку я буду совсем один с Владимиром Михайловичем. <...>

Долго говорил по телефону с Межировым. Оказывается, как рассказал Йонас, он записал на телевидении два моих стихотворения: «Опять я здоров и опять я в бреду» и «Ремесло» (там где «есть у ночи дарованье казаться собеседником твоим»). И перед этим его преамбула с отрицанием наставничества в поэзии, очень справедливая. Но ему внушили, что это дескать оскорбительно для меня. Он сам позвонил и Йонасу и Дине...

Обедал с Хелемским и Ваншенкиным, вернулся домой в 7-м часу. Кипса поехала куда-то вдвоём с Денисом, самым умным и добрым существом в семье. День исчерпан. Двигаться мне некуда.

Чтение Лорки питательно, особенно его проза, но нужды гнаться за его двухтомником не было. Пускай стоит у меня, а там посмотрим. Не думаю, чтобы он был так уж нужен Полечке.

21 мая

Приходил из «Литературной России» парень, заведует там поэзией (он же пел с гитарой в Доме Учёных), взял для «предсъездовского» номера стихи «На Каме» и «Неотправленное письмо» – считает его особо подходящим всвязи со съездом СП. А я сомневаюсь, что его вообще опубликуют.

Звонил С. Лесневский: уже сдаёт и в «Литобозрение» и в «Огонёк» статьи обо мне. Говорил и с Йонасом. Завтра они придут с материалом и снимать будут в понедельник.

Звонил из Риги переводчик моих стихов в Латышской Антологии Варис Лейкартс. Приедет в Москву <...> 29-го мая. Вот и сиди здесь, без Переделкина. Не забыть бы о его приезде.

Я прочёл уже все пьесы Гарсиа Лорки. Это, конечно, очень талантливо, но и порядком наивно. Как это играть – не представляю себе. Основа – лиризм, но весьма цветистый, с привлечением имён всех растений и цветов, которые растут в Испании. Любовь везде играет первую скрипку, причём любовь всегда женская и за редким исключением несчастная. Образы этих женщин похожи друг на дружку. Мужчины подсобны. Там где есть юмор (очень редкий), всё становится на своё место: можно вволю ставить и на нашей сцене, можно играть. Но от прославленной «Кровавой свадьбы» я ждал большего. Кажется, когда-то она шла у нас. Статьи его о театре значительно интереснее. Особенно «Теория и игра дуэнде». В ней недаром привлечены и Ницше, и Аполлинер, и даже Рембо, не говоря уже о Гойе, Эль Греко, Пикассо и других художниках. Со всем этим пёстрым материалом Лорка справляется как хозяин и своеобразный мыслитель. Жалко, что Сервантес один только раз упоминается, и то невнятно. Много сказано о корриде как о зрелище настоящей смерти. В этом смелость «близкого родственника» всех торреро. Сам дуэнде чуть-чуть напоминает Диониса-Вакха – такого, как он изображён в

«Ариадне» Марины Цветаевой, что ещё больше доказывает подлинность его у Марины.

24 мая

Запись меня для телевидения продолжалась с 11 до 4 часов, а потом ещё Саши Межирова до 5 часов. Йонас и Дина только что ушли. У меня были и оговорки, то есть и дубли, но только на магнитофон, без камеры. Так и не дочёл «Не наука» – это из-за кашля. Я здорово устал, но стихов записал множество, больше, чем хотел. Йонас ненасытный мужчина. Но они оба молодцы. Молодцы и потому что всё убрали.

Завтра еду в Литфонд за путёвкой на 4 дня и проведу их в Переделкино. Конечно, я там относительно отдохну, не слишком, но всё-таки. А в воскресенье – в Псков, как задумано – до 7-го.

25 мая

Пришёл рижанин Колесников, принёс уже написанную книгу «Антокольский – исторический портрет» на 200-ах страницах. Я не взял у него рукопись, убеждён, что это такая же дрянь, как статья, отвергнутая в «Знамени». Пришёл фотограф из «Литобозрения», принёс две мои фотографии огромные.

Отдал Элле Бруновской «Путевой журнал писателя». Книги уходят, стараюсь дарить не больше одной в день.

Была вдова Н. Тарасова, Елена Павловна, показала статью Ж. Евтушенко действительно чудовищно путаную и несправедливую.

В Литфонде получил путёвку на 4 дня в Переделкино, доплатил 17 рублей.

Звонили Йонас и Дина, очень грустят, что не панорамили комнату, теперь очень долго всё это вводить внутрь вчерашней передачи.

Но какой чудовищно переполненный день! <...>

26 мая

Наконец доехал до Переделкино!

Совестно перед Йонасом и Диной за вчерашний разговор о панорамизации комнаты. Я был несдержан, но устал я третьего дня дико. Позже вечером позвоню Дине, объясню себя.

Совершенно затихла боль в правой руке. Правда, и в голове она днём затихает, но днем не следишь за этим – в непрерывной смене событий, приходов и уходов, звонков ко мне и моих. А тут сижу в комнате, окно открыто, читаю Бахтина с интересом, который в городе отсутствовал. Даже вне связи с отсутствием близких, эти дни в Переделкине очень полезны, как в школе большая перемена, как антракт в театре.

Бахтин необычайно широк по временному охвату идей и образов, по сопоставлению его любимца Рабле с рядом позднейших явлений европейской литературы, с другим его любимцем Достоевским по тонкости анализа и языковых слоёв и проблемы времени в романе.

28 мая

<...> С переводчиком Михаилом Донским²⁶ первые встречи были в самом начале 1950-х годов, когда выходило Собрание Сочинений Гюго. Он был в Москве, и мы оба переводили «баллады» раннего Гюго. Подарил Михаилу Донскому свою книжку, а он мне свой перевод «Тартюфа».

Посмотрел итальянский разудалый и весёлый фильм. Это три новеллы «Синьоры и синьориты» с прелестными девушками. Отчасти это чудесная сатира, но и она перекрыта легкомыслием антуража. А девушки прелестны. <...>

Снились мне ночью очень сложные сны с множеством действующих лиц, вроде Ланового, Катаева, ещё бог знает кого, в странных ситуациях, где с моей стороны главным было стремление избежать публичного выступления и это с трудом давалось.

Читаю книгу о «народном» театре конца прошлого – начала нашего века. Есть интересные и поучительные истории.

Письмо от редактора «Пушкинского края», Савостина: просит стихи для праздничного номера газеты. Для редакции «Советской культуры» тоже какие-то стихи о гуманизме нужны для «Детского дня».

29 мая

Сначала все усилия заснуть были напрасны. Вдруг сильно заболели ноги, но от ходьбы по комнате всё прошло. И сон одолел после 3 ч. ночи. С утра позвонил Царёву, узнал его адрес и условился, что заеду за ним в 2 часа, за час до поезда.

Звонил Андроникову, но не застал его и всё передал его жене Виве.

Утром ещё одно письмо от Сашуры. <...> Собирается в Москву.

30 мая

Вчера вечером пришли Йонас и Дина. Было ясно, что они оба, особенно Дина, обижены мною и, наверно, у них есть на то основания. Действительно, я прервал телефонный разговор и чуть ли не бросил трубку на следующий день после многочасовой записи. Я объяснил, что рядом была Кипса, и всё могло кончиться бранью с её стороны. Мало по малу, наша размолвка была улажена и гости сменили гнев на милость. Мы сидели на кухне. Конечно, Йонас великолепно изжарил мясо, принесли они и нечто вроде кулича или кекса. Смотрели разные фильмы, в частности, «Над Тиссой» – детектив что надо! Ушли около десяти часов.

Звонил некто Казовой, с которым мы встречались года три-четыре назад, когда вышла книга «С Францией в сердце». Речь идёт о рекомендации в СП. Он знает, что это хлопотное дело, будет звонить 7-8 июня.

Звонила Дина и очень трогательно заботилась о том, чтобы я ничего не забыл, не дай бог. <...>

2 июня

Спал хорошо и достаточно, но вот беда: над столом должен бы светиться некий электрический свет, а он внезапно вышел из строя. Вчера барахлил телефон, сегодня электричество. Такого в Пскове в гостинице никогда ещё не было. Очевидно, всё городское хозяйство у них запущено. <...> Страна не справляется с диктатом собственного роста, нет хозяина или хозяев. Начальство заботится только о себе, в крайнем случае – о показухе.

Всё в номере улажено: две лампы – и у постели, и на столе. Телефон работает лучше. Вообще эти простые люди, служащие гостиницы, электрики, телефонная мастерица, дежурные на этажах, горничные, – все они милые люди, не в пример администраторше внизу, еле cedящей ответ сквозь зубы. А подняться выше, до директора гостиницы я и не решаюсь.

Пришёл художник Алексей Кириллов, потом Сашура и, наконец, Валентин Курбатов. Оба мужика – друзья Сашуры, обоих я уже несколько раз встречал. <...> Сашура просила, чтобы цитатами из Беллы я доказал её нравственность (как я это делал для Лермонтова). Мне цитировать из Беллы нечего, но цель Сашуры была доказать Курбатову, что Белла – существо высоко нравственное. Я не смог ей помочь, но всё это, как водится, сдобрено изрядной долей весёлого смеха. Так что смех был основным содержанием этой якобы перепалки.

Четверг, 4 июня

Вечер в театре был довольно помпезный и вполне сердечный, но больно длинный: больше двух часов. В начале дурак Д. читал уйму своих пошлых стишат, да ещё прибавил к ним некие четверостишия о любви – ещё глупее, чем стихи. Я вынужден был поставить ему фитиль (и это все поняли), сказав, что буду читать только Пушкина, ибо ещё молод. Читал конец V главы Онегина. Был и Гейченко и И. Козловский, певший с другими весь акт дуэли из Онегина, как бы продлив этим пятую главую

Полечка с каждым разом выступает умнее и лучше. Она понравилась и аудитории. <...>

5 июня

Утром проснулся в полвосьмого. Завтрака пришлось ждать чуть ли не целый час. В Петровское добрались из Пскова около 12-ти. Гейченко, открывая музей, говорил так непринуждённо, увлечённо и вдохновенно, просто удивительно. Видел зал с интереснейшими портретами: Петра, молодого и улыбающегося, Елизаветы Петровны, затянутой в рюмку, других. Кончился обед. Сейчас без четверти три. Банда уезжает в Михайловское и Тригорское. Я уклонился, чтобы собрать мысли и уединиться. Всё это в целом уже утомило мне. Солнце жарит весь день. <...> Пушкин наколдовал великолепную погоду на сегодня, надеюсь, и на завтра. <...> Банда вернулась на конференцию.

Вечер. Буду читать перевод пушкинского «Mon portrait».

6 июня

Вот и пришёл этот день, ради которого все мы приехали сюда в Псков, в Михайловское. А я и ради дня рождения Саши Некрасовой, угораздившей родиться в один день с Пушкиным.

Вчерашняя вечерняя конференция была довольно оживлённая. Очень хорошо показали себя калмык и абхазец, да и Богдан Истру, но всех перекрыл, конечно, наш дорогой Гейченко, председатель, совершенно неутомимый человек. Я читал перевод, как задумал, по строкам разбирая текст, хотя и оседлал нос очками. Гейченко говорил, что эти стихи <...> переводили и Ахматова и Гумилёв, даже Северянин. Это очень занятно.

Я проснулся сейчас ни свет ни заря в полшестого утра просто от нечего делать. Мучит кашель. Неужели от курения? Но курил очень мало. День предстоит тяжёлый: у памятника, в монастыре, на священной поляне, потом отъезд в Псков.

Четверг, 17 июня.

<...> Андрей с интересом прочёл письмо Е.Г.Эткинда из Парижа об университетских делах в Париже – двухмесячной забастовке «всех 12-ти Сорбонн».²⁷

20 июня

Стал было разбираться в горах разных писем и вдруг попало на глаза письмо О. Вл. Гзовской с припиской Гайдарова.²⁸ Когда, по какому поводу писали они? Лет не меньше двадцати назад. И еще помню как в Пушкинском доме в Ленинграде организовали вечер Блока. Подъехав с Зоей на такси, увидел я лицо... льва (честное слово), но это была Гзовская; скоро она умерла. В тот же вечер Володя Орлов познакомил меня с Дельмас²⁹. Так память развёртывает свой полуистлевший свиток, но вспоминаю я всё точно.

Писем Первомайского очень много получил за последние двадцать лет, как раз на Пахре.

23 июня

<...> Вечер Ольги Берггольц. Открыл Ник. Тихонов, очень точно и много цитировал стихи Ольги. Он настоял, чтобы за ним говорил я. А я построил речь как собирался: женщина-поэт в нашей поэзии и в прошлом веке, и в этом, поставил Ольгу как единственную после Ахматовой и Марины. Конечно аплодисменты... Чувствую сам, что напрасно обижаю Льва Левина и он явно огорчён. Но его поползновения лобызаться мне противны. Вскоре после того, как кончил (я) спустился в зал. Туда же явилась Полечка. Мы прослушали несколько выступлений – очень хорошее и нужное Нат. Банк. Но когда началось главное – фильм Паланкина «Дневные звёзды» – увы, удрали: Поля с мужем спешили в Купавну, а я совсем выдохся и на такси укатил домой. Вот весь этот первый день, как будет завтра, ещё не ощутил. Звонила Дина, звонила Нина Заграевская. Беспокоит меня

отсутствие писем от Саши Некрасовой. Боюсь, что часть почты этих дней где-то сгинула. <...>

25 июня

Половинка седуксена хорошо помогла мне ночью – и заснул быстро и почти не просыпаясь, вскочил около 8-ми. Далее – звонки: Соня из «Комс. правды», должна скоро явиться; Кошечкин из «Правды»: просит какие-нибудь стихи, и я хочу дать «Они рвали к к нам...» – то, что было так испорчено в прошлом году в «Октябре».

Полечка зашла ко мне и на троллейбусе с трудом мы добрались до ЦДЛ, где обедали с её подружкой, чешско-словацкой поэтессой. Далее втроём подъехали к ЦОАП, где я получил свою сотню, а потом проводил девиц в «Литгазету», на Цветной бульвар и вернулся с домой. Здесь, на ул. Щукина, я в полном изнеможении повалился на тахту и старался как-нибудь очухаться.

Скоро пришёл Толя Миндлин, взял билеты на 1-ое, говорил по телефону с Юрой Нагибиным. Пришла Нат. Банк, пили чай с ней. Я понемногу пришёл в себя. Сейчас пол-одиннадцатого. Очень тревожит меня судьба моих картин для выставки 1-ого. Чем скорее увезти все это в ЦДЛ, тем лучше. Вышел № «Огонька» со статьей Лесневского. Она только нормально-удовлетворительна, не более того. Но это первая ласточка размером в журнальную полосу.

У Полечки ненормальная жажда сниматься, еще она выискивает каких-то фотографов, которые сами хотят запечатлеть её для потомства: черта крайней наивности: как будто она впервые уразумела, что на бумаге может выйти точное, хоть и зеркальное ее изображение... Матушка Вологда ещё не изжита в ней, но она всё-таки прелестна крайне.

Оставив первобытный хаос на столе и по всей комнате, заваливаюсь спать с полуторадольки седуксена.

26 июня

<...> Влад. Мих. обнаружил нехватку 4-ого тома Гоголя у меня на полке. Ни Кипса, ни Андрей ничего не знают. Мерзавец Мишка безнадежно отсутствует. Пропавший том Гоголя не выходит из головы – уж больно это типично это стало для моей комнаты, для моего дома.

Звонил Йонас. Хочет участвовать в перевозке и в дальнейшей развеске картин, в установке стенда с книгами для юбилейной выставки в ЦДЛ. Йонас – подходящая физическая сила. День тянется невероятно. Звонил Виктор Фогельсон, он с Мар. Левшинской сделал передачу обо мне для радио, можно слушать 28 июня в 7:30. Он обещал прийти с транзистором – вместе слушать передачу. Обещал также помочь с развеской картин – уже в самом ЦДЛ. <...>

27 июня

<...> Гроза, гром, проливной дождь, 5° тепла. Пришла Варя, шамкает, без зуба, болтает с Влад. Мих. не знаю о чем. По телефону говорил с Т. Миндлиным.

Вчера он была на Пахре, учуял обстановку в нашем доме, понял состояние Кипсы. Был он и у Юры Нагибина, пьяного и вспоминающего мать и Якова Семёновича. Только что звонила Светлана, полна решимости завтра явиться с транзистором и у меня смотреть передачу в 19:30. Звонил и Виктор Фогельсон, обязательно поможет с перевозкой картин и прочего завтра, пригонит свою машину. Я продолжаю выискивать и переписывать цитаты для 1-ого. Много нашел у Тютчева. Хочу тронуть и наш XVIII век, хотя бы одного Державина.

29 июня

Сделаны две передачи: по радио (редактор Витя Фогельсон) и телепередача (создатели Йонас и Дина). Слушатели и зрители: трое названных, Нат. Банк, Полечка с мужем, Вл. Мих. Конечно всё это было довольно волнующим делом для меня. Смонтировано, сцеплено, объединено во всяком случае смело и неожиданно. О себе лично судить не берусь, но как будто ни в чем не подкачал, а если выглядел дряхлым стариком, то никем другим не мог выглядеть. Работа Фогельсона особенно умилила меня, ибо к Йонасу и Дине давно привык и знаю их дотошность, их стремление все показать в лучшем виде. В радиопередаче особенно мила Лиля Толмачёва, а в телепередаче блистала Ия Саввина, когда читала отрывок из моего «Босха».

Довольно рано утром постучалась Саша Некрасова. Наскоро выпили кофе, отправились в знаменитый «Минск», где ее уже ждала комната. Освоившись со всем, что надо было, поехали в ЦДЛ, завезли прежде всего неподъемный портрет работы Алекс. Кириллова, который кажется затмит портрет 1918 г. Завадского – такое буйство красок – фантастических и дающих особый эффект. Там же в ЦДЛ обедали, кто-то подходил, поздравлял, но все изгладилось из памяти. <...>

Важное дело в ЦДЛ было установить, кто будет на сабантуе 2-го. Это более или менее утрясено. Я дал в ресторане под расписку 500 р. В остальном положусь на волю божью и ещё на то, что многие не придут. Общий список, как ни бились мы, сокращая, всё-таки 80 человек. Телеграммы идут без конца. Завадский болен, где-то в «Аксаковщине». Значит не будет. Думаю, что и Андрониковы не явятся.

Саша как никогда мила и всеми силами старается помочь мне. Во всяком случае установление твердого списка – дело её рук. Уже утром 1-ого мне предстоит следить за тем, как развешаны картины и расположены книги. Тут же надо будет позаботиться о каком-то числе дополнительных пригласительных билетов. Многие уже роздал вчера, но сколько и кому, забыл.

Приехала Кипса и уж так заблокировала телефон, что мне к нему не подступиться. Да и с нею не удастся поговорить. Она ждёт, что я помогу ей деньгами. Дам сотню. Деньги летят чудовищно.

30 июня

Телеграммы и телефонные звонки всё учащаются. В общем картина завтрашнего дня уясняется и утрясается: где, кого и когда найти, по крайней мере, это я знаю. Только что звонил Каверин, примерно сказал, о чем что будет говорить завтра. Затем звонил Ж. Рейн, но уже сам будет искать для себя седалище в зале

или ещё где-то. Звонила М. Синельникова, с театром вместе не хочет явиться, придёт полседьмого завтра, её устроят. Была Н. Банк, подарила папку и книжку записную: всё это добротное прибалтийское. Н. Банк рыщет по городу – ищет подарок. Кипса тоже ищет, что мне подарить. Сейчас без 10 ч. два часа. Я один в доме и не скучаю.

Звонил Тимур из «Комс. правды» – все в порядке, придёт завтра и вручит мне №. Звонил Кошечкин уже из «Правды» – тоже полный порядок, но просил об одной поправке: дескать, «картавость команд» не подхрдит, ведь немцы и сейчас картавят. «Как бы не обиделись». (О какой ерунде думают у нас!). Я предложил: «жестокость команд», что хорошо комбинируется с дальнейшим «топот колонн», т. е. повторяется дважды слог «то». Что-то молчит телефон – надолго ли?

Я сам позвонил в Пушкинский музей Крейну: он получил приглашение на вечер и заявил о своем желании сказать несколько слов. Телеграммы неисчислимы... Как я себя чувствую, сам не пойму. С одной стороны полное отупение, с другой – взвинченность. Если лягу – сразу засну. События этого дня продолжали расти и наплывать друг на друга. Только что ушла Саша. Водитель Саша отвёз её в «Минск».

Число телеграмм чудовищно растёт. Две правительственных: от Тяжельникова и от Стукалина. Ещё больше растёт число желающих быть на вечере. Я всем обещаю их устроить, но далеко не уверен в успехе. Звонил К. Симонов, убеждает, что всё будет в порядке. Конечно, всё утрясётся, но утрясусь ли я? Наверняка знаю, что в конце вечера никакого слова не скажу, за исключением благодарности всем.

Саша – главная моя радость. Она действительно добра, заботлива, а главное хорошо сознает, что и кто она для меня. Да ведь и я не пустое место в её жизни. Пускай так и останется до моей гробовой доски.

Начал читать книгу Володи Орлова, пока что её начало кажется мне компромиссом между автором и теми общими условиями, которые ему были поставлены извне: телеграмма Стукалина это по-своему демонстрирует несмотря на всяческую её доброжелательность. Ровно одиннадцать часов. Но можно считать что следующий календарный листок вступил в свои права и мне действительно стукнуло все восемьдесят. А я не чувствую явной разницы между вчера, сегодня и завтра.

2 июля

Совершенно невозможно записать всё, что было вчера, хотя помню это пока очень отчётливо, всё до мелких подробностей.

5 июля

По моему разумению и по общей оценке многих бывших в ЦДЛ ещё никогда в ЦДЛ не было так много народа, уместившегося в зале наверху, никогда не было такого дружного приёма со стороны аудитории в мои юбилейные вечера. Неожиданно появление Н. Тихонова, который нежно и умно сказал «несколько слов Павлику». Константин был великим постановщиком этой комедии. Володя

Орлов очень взволнованно говорил и читал свою статью, ещё не появившуюся в «Авроре». И Белла, и Булат, и Саша Межиров все были очень милы. Саша Некрасова оставалась, увы, за кулисами, хотя должна была бы сидеть рядом с Беллой и со мною. Элла Бруновская только что на лестничной площадке отзывалась восторженно обо всём вечере.

А я никак не могу очухаться. Сейчас главная забота – оформиться в какой-нибудь таинственный санаторий под Киев; действуют здесь Савва и Микола. <...> Нужды в отдыхе у меня никакой, но толкает к отъезду бездомность в Москве. <...>

Телеграммы и письма, продолжающие прибывать, так и не сосчитаны, а это уже толстый пакет. Приходят ещё и ещё – из Азербайджана, из Украины, из Литвы. Поразительны два портрета: Ал. Кириллова, привезённый Сашей, непомерной тяжести, а также подарок из Риги, талантливый и огромный – фотография, названная автором «Юбиляр после юбилея». Всё это – знаки внимания и доброты. Хочется где-то все три повесить на стену.

Очень трогателен был все эти дни Толя Миндлин. После сабантуя у меня он зазвал всю компанию к себе: Сашу Некрасову, Йонаса с Диной, Виктора Фогельсона, ещё кого-то, – и роскошно всех угощал и поил водкой, настоящей на калгане. В моем доме этого я никак не смог бы сделать.

Сегодня пришёл Маныч, снимавший непомерно много и 1-го и 2-ого. Много и дублей, но разобраться в этом хозяйстве трудно. Всё на завтра. Пришли Элла Бруновская и Леонид Почивалов, он предлагает мне писать стихи для песен в его будущем фильме. Там речь идёт о треугольнике: два мужчины – одна женщина. Может быть, я использую что-то из своей старой любовной лирики, а то и из новых, огоньковских и других, вплоть до песен для «Дон Кихота». Материалу достаточно, была бы охота. <...>

Письмо от Полечки. Я тут же послал ей телеграмму на её станцию «Купавна».

Комментарии

- ¹ Поездка П.Г.А. в Пятигорск была связана со 125-летием со дня смерти Лермонтова.
- ² Толмачёва Лилия Михайловна (1932-2013) – актриса театра и кино, режиссёр; жена В.С.Фогельсона.
- ³ Недумов Сергей Иванович (1884-1963) – лермонтовед, краевед, научный сотрудник музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске. Им написана книга: *Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Редакция, предисловие и примечание П.Е.Селегея. — Ставрополь, кн.изд-во, 1974.*
- ⁴ Небольшую часть своего литературного архива П.Г.А. еще при жизни сдал в ЦГАЛИ: письма, фотографии, рукописи.
- ⁵ Из-за психологически тяжёлой атмосферы в доме, усугубившейся замужеством внучки Кати, П.Г.А. был вынужден систематически уезжать в дом творчества в Переделкино. Это был наилучший выход из создавшегося положения.
- ⁶ См. *Капиева Н. В. Жизнь, прожитая на белом : О творчестве Э. Капиева. — М.: Сов. писатель, 1969.*
- ⁷ Цехновицер Орест Вениаминович (1899-1941) – литературовед, театровед, прозаик, публицист; в 1936-37 годах был зав. рукописным отделом и архивом Пушкинского дома..
- ⁸ П.Г.А. перефразировал строку Тютчева «Мысль изречённая есть ложь».
- ⁹ Ю.А.Завадский был неприятно удивлён тем, что в воспоминаниях М.И.Цветаевой он предстает человеком холодным и самовлюблённым. *М.Цветаева. Повесть о Сонечке. Новый мир, №6-7. 1976.*
- ¹⁰ П.Г.А. готовился к поездке с группой поэтов и переводчиков в Польшу. Однако, из-за болезни его участие в поездке не состоялось.
- ¹¹ Волобринский Максим Давыдович (1896-1983) – актер, драматург, сценарист; в 1920-х годах работал в Ленинградском ТРАМе.
- ¹² Тоом Анна Ивановна (фам. при рожд. Макеева, рож. 1949). См. *А.Макеева. «Творит добро, всему желая зла...». М.: Детская литература. 1976. С.с. 43-45.*
- ¹³ Маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин (*фр. Astolphe-Louis-Léonor, Marquis de Custine, 1790-1857*) – французский аристократ, писатель и путешественник ; приобрел мировую известность, опубликовав книгу о России, в которой он побывал в 1839 году. Книга содержит критические отзывы об императоре Николае I, русских порядках и нравах. Автор описывает негативные явления русской жизни, анализирует историческую судьбу России и дает прогнозы её будущего позже состоявшиеся. *Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. Пер. Я. Гессен. М.:Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1930.*
- ¹⁴ Володя – один из водителей П.Г.А..
- ¹⁵ Кузнецов Владимир – в 1930-х годах актер театра при автозаводе в г. Горьком, над которым шефствовали З.К.Бажанова и П.Г.А.
- ¹⁶ Дос Пассос, Джон Родерíго (John Roderigo Dos Passos; 1896 -1970) – американский писатель португальского происхождения, прозаик. На русский язык была переведена его

трилогия «США», включающая книги «42-я параллель» (*The 42nd Parallel*, 1930), «1919» (*Nineteen Nineteen*, 1932) и «Большие деньги» (*The Big Money*, 1936), в которой автор показал культуру США начала двадцатого века.

¹⁷ В 1976 года журнал «Дружба народов» опубликовал повесть (короткий роман) Ю.В.Трифонова (1925-1981) «Дом на набережной».

¹⁸ Книга была подарена П.Г.А. М.И.Цветаевой в 1928 году, в местечке Мёдон под Парижем, где она жила в эмиграции. Это – последнее, что осталось старому поэту в память о их дружбе в революционной Москве. На книге сделана дарственная надпись «Дорогому Павлику Антокольскому. Москва- Мёдон- ? Марина Цветаева. Мёдон, 20 июня 1928 г.» и к ней приписка «*Vehgangeheit steht noch bevor*», что в переводе с немецкого означает «Прошлое еще предстоит». Этой книгой П.Г.А. очень дорожил, бережно её хранил, тщательно прятал и показывал только самым близким своим друзьям. *Цветаева М. После России. 1922-1925. Париж, 1928.*

¹⁹ Стенич Валентин Иосифович (наст. фамилия Сметанич, 1897-1938) – поэт, эссеист, переводчик западно-европейской прозы (К. Честертон, Р. Кипплинг, Дж. Дос. Пассос, Дж. Джойс, Б.Брехт и др.)

²⁰ Рейн Евгений Борисович (1935-) – поэт, переводчик, прозаик, сценарист.

²¹ М.Ю.Журавский (1956-1994) принадлежал «призывному возрасту» и был вызван в райвоенкомат. Совет ему был нужен, чтобы симулировать гипертоническую болезнь и получить отсрочку от службы в армии.

²²

²³ Гринберг Иосиф Львович (1906-1980) – литературовед, критик.

²⁴ Белкина Мария Иосифовна (наст. отчество Осиповна, 1912-2008) – прозаик, мемуарист, автор книги о судьбе Марины Цветаевой и её детей – Ариадне и Георгии Цветаевых-Эфрон. Жена критика, библиографа А.К.Тарасенкова.

²⁵ Караганов Александр Васильевич (1915-2007) – литературовед, критик театра и кино, доктор искусствоведения, профессор, автор книг по драматургии и истории отечественного кино; секретарь союза кинематографистов. Софья Григорьевна Караганова (1918- ?) – старший редактор отдела поэзии журнала «Новый мир», жена А.В.Караганова, первая жена Е.А.Долматовского.

²⁶ Донской Михаил Александрович (фам. при рожд. Явец; 1913–1996) – переводчик испанской, французской, английской стихотворной драматургии и поэзии, американской и аргентинской поэзии; представитель ленинградской школы поэтического перевода.

²⁷ Забастовки 1976 года – самые продолжительные студенческие забастовки во Франции (3 месяца: с марта по май), ставившие своей целью помешать проведению образовательных реформ, которые воспринимались студентами как попытка подогнать высшее образование под нужды рынка и сделать его еще менее доступным.

²⁸ Гзовская Ольга Владимировна (1883–1962) – актриса театра и кино; Гайдаров Владимир Георгиевич (1893–1976) – русский, немецкий актёр, засл. арт. РСФСР (1940), лауреат Гос. премии СССР (1950).

²⁹ Андреева-Дельмас Любовь Александровна (фам. при рожд. Тыщинская, сценический псевдоним Дельмас; 1915-2000) – российская оперная концертная певица (меццо-сопрано), вокальный педагог.